Веры — сказано: «Меч — глагол Божий чюдны» (2: 20). 26 В своем монологе Вера метафорически развивает эту аллегорию: «Бодрствовала на страже у дела опасно, / С мечем острым глагола твоего всечасно. / Мария ж мене больше к тому принуждала. / Врагов моих мечем сим со мной побеждала. // Понудила все страсти прочь от ся бежати» (2: 26—28). Аналогичным образом прокомментирован и атрибут другой добродетели — Молитвы: «В руках же ея был жезл светящся железны, / Рекла: "Се Марии пост, сим души болезни // Отгнала Мария, со мной сей носила..."» (2:57—58). Точно так же и Милость имеет особый эмблематический атрибут: «Под правым раменем рог с цветами ж имела» (2:40). В своем монологе Милость интерпретирует оба этих компонента — рог и цветы: «...На слушающих тебе тобой изливаюсь. // На сию истекша не тще пребывала, / Но она мя на многих щедро изливала. // От чего жизни ея в посредственныи леты / Милосердия иста возрасли сии *цветы*» (41—43). Итак, рог, по аналогии с рогом изобилия, изливает милость, которая, шедро изливаясь, дает произрасти иветам милосердия. Впрочем, автор находит нужным дать развитие и образу цветов милосердия: «Сама же показала на те цветы в роге, / Много их разбросано к небу по дороre» (2 : 44); «Таковую ж красоту цветы те имели, / С весельем многим Божьи очи их глядели» (2: 47) (в последнем случае фигуративные *цветы* «милосердия иста» опредмечены за счет их косвенного сопоставления с Божьими очами). Подобно тому как персонифицированная Милость держит рог, из которого, по ее словам, сама же и изливается, Молитва просит Христа сделать то, о чем новопреставленная баронесса при жизни просила Его посредством ее же — молитвы: «Изволь учинить, о чем тя чрез мене просила» (2:58). От бесконечного кружения по рефлексивной орбите эту фразу удерживает ее сходство с подписью к эмблеме, которая редко вкладывалась в уста изображенного на эмблеме персонажа. Новация Буслаева заключается в том, что в традиционной эмблематике слова такой подписи адресовались человеку, читателю, в данном же случае их адресатом является Бог.

Аллегорический тип мышления, доминирующий в поэме над метафорическим, обусловил появление непредставимых, не рассчитанных на мысленную визуализацию сравнений, игнорирующих даже численную диспропорцию между отождествляемыми объектами (впрочем, в полном соответствии с барочным принципом диспропорциональности, о котором пойдет речь ниже): «Терзали самой воздух слезными речами, / Раненны печалью, как острыми мечами» (1:79). Применительно к такого рода образности Й. 3. Серман резюмирует: «Связи, которые устанавливаются между предметом и его поэтическим значением, у Буслаева совершенно про-

²⁶ Ср.: Ис. 49: 2; Еф. 6: 17; Отк. 1: 16, 2: 16, 19: 15.